

Одним из ярких наших поэтов запомнился мне во время учёбы в Литературном институте Анатолий Третьяков, широкоплечий, сильный сибиряк, — его отец, ссыльный москвич, художник, женился на коренной сибирячке, рано умер, мать вышла замуж за местного. Мать — председатель колхоза, колоритная, сильная женщина, а отец был артистичным...

Отсюда у Анатолия сибирское здоровье и художественный талант отца. Он остроумно рисовал своих товарищей и меня на тех редких лекциях, которые посещал. Попал он в Литинститут, побывав матросом на торговых судах, кочегаром, потом студентом ВГИКа (факультета кинодраматургии), откуда был изгнан с четвёртого курса. Богатая биография!

Друзья его обожали за остроумие, за точные и яркие эпиграммы на педагогов, рисунки и прекрасную лирику. Впрочем, друзья ли это? Или собутельники?

И, как всегда, в предчувствии беды,
Но, как всегда, без видимой печали,
Я оставляю на земле следы
Не для того, чтоб вы их замечали.
И не тотчас пущусь я босиком
По этим тропам и по этим травам,
Где гуси, как бутылки с молоком,
Издалека видны по переправам.

Это стихи той поры — какая естественность интонации и точность зрения! Он учился на семинаре Сергея Наровчатова. Тот помогал, как мог, своему зятю, тут все могли сказать: «А, родство!» — родство, но какое беспокойное! Наровчатов, несмотря на беспутную жизнь с его красивой, милой Оленькой, актрисой кукольного театра, тем не менее составил и отобрал сборник его стихотворений для «Советского писателя», написал предисловие. Третьяков отнёс и... два-три года занимаемая трёшки и пятёрки под сборник, не удосужился ни разу зайти в издательство — сборник не вышел по сей день!

С книгой «Молодой гвардии» всё произошло примерно в этом же духе. Тем не менее как поэт он был самолюбив, знал себе цену и... считал, что талант его вывезет в любом случае. Почему бытует это странное представление, что талант —

величина самостоятельная, что он похож на алмаз, в огне не горит и в воде не тонет? Когда на самом деле талант — вещь самая хрупкая, с ним надо обращаться бережнее, чем с хрустальной вазой. Третьяков считал, что его природная одарённость перешибёт всё. Он писал стихи, терял их, он дарил себя всему и не заботился о том, что будет.

Мой первый курс начался с того, что был вывешен приказ о каком-то там плохом поведении неизвестного Третьякова. Позже я написала:

Мороз, прозрачность января,
Дом на Тверской, а сад гравюрно чёрен.
Смесишь друзей, играешь в главаря,
Всех больше пьёшь, но весел и задорен.
Москва не храмов — кабаков
Знакома в грязных переулках...
Ты свой талант отдать готов
Зиме в метелях и окурках.
Ещё искрится твой талант,
Блеск эпиграмм — как блеск рапирный.
Январь — надёжный секундант.
Но с кем дуэль? С кем спор настырный?
Как безогляден русский ум!
Всё мнится: море по колено.
Мир открывая, как Колумб,
Ждёшь радости и поклоненья...
Мороз, прозрачность января,
А на Тверской ребят другая стайка,
И кто-то вновь играет в главаря
Весёлой банды — новый ванька-встанька.

Начало ноября, в институте первый вечер отдыха. Морозец. Я стою на остановке троллейбуса на Бутырке, у общежития, в чёрных лаковых туфельках на каблучках, в осеннем лёгком пальто. Всё для красоты. Такси всё нет, троллейбусом — долго и холодно, а этот первый морозец так и норовит проникнуть в меня, прохватывает насквозь, и ноги обледенели. Вдруг появляется широкоплечий парень в роскошной шапке чуть ли не из рыси или соболя. Я его смутно знаю. Он бросает эту шапку в снег, ставит меня на неё и ловит такси. Мужчина! С ним ещё его друг. В такси знакомимся: ребята с моего курса — Толя Третьяков и Лев Котюков.

На вечере мы потерялись... Читают стихи смутно знакомые лица — литературная Москва мне ещё мало знакома. По

сути, неизвестна... Я в маленьком чёрном платье, чёрных лаковых туфельках, светлые волосы до плеч. Ко мне подходит, вежливо приглашая на танец, высокий изысканный негр, он одет лучше всех ребят. Это — Джон Окай, аспирант из Африки, говорят, даже принц. Но это я узнаю потом. Перед ним возникает мой спаситель:

— Она танцует со мной.

Джон пожимает плечами, ретируется. Что это за танец! Толя топчется как медведь... Наконец, я поняла, что нечего демонстрировать своё балетное мастерство, надо спасти ноги... Домой едем вместе, втроём — я, Толя, Лёвка.

И началось... Переглядки на лекциях. Чаепития у меня в комнате.

На лекциях, после ссоры, Анатолий очень остроумно рисует на меня шаржи и пишет к ним эпиграммы. Как-то на студенческой вечеринке глубоким красивым баритоном поёт: «Живёт моя отрада...» Я влюбляюсь. Мы ссоримся. Он посылает мне на лекции записку:

«Мне доступен твой терем высокий,
Но в него не хочу я войти».

Я ему: «И не войдёшь!»

У меня были природно-яркие губы. Он пишет как-то:

Мне кажется, тебя украли,
Уносят сквозь метель — видны
Мне твои губы — две спирали,
О, как они раскалены.

Но все ссоры не всерьёз. Теперь мне жаль, что я не собирала его стихи — и мне посвящённые, и вообще его стихи. Всего было много, это была наша обычная жизнь. Я даже не дарила ему стихов, которые писала о нашей любви. Это была просто жизнь. Пришёл в общежитие и пел свои песни Владимир Высоцкий — это просто наша жизнь. Познакомилась с Окуджавой — ходим с его женой Олечкой на выставки, маленький Булатик за спиной, а Окуджава говорит нам:

— Девочки, когда вы обнаружите гения, скажите мне, я тоже пойду посмотреть.

И всё это просто жизнь. Всё само собой разумеется.

Не одна я влюблялась в Анатолия. Он был остроумен, прекрасно рисовал, писал эпиграммы. Его стихотворения по уровню были выше многих, он писал образно, ярко, с отпечатком

собственной личности, без подражания. Играл роль главаря, ребята смотрели ему, что называется, в рот. И эта роль ему нравилась.

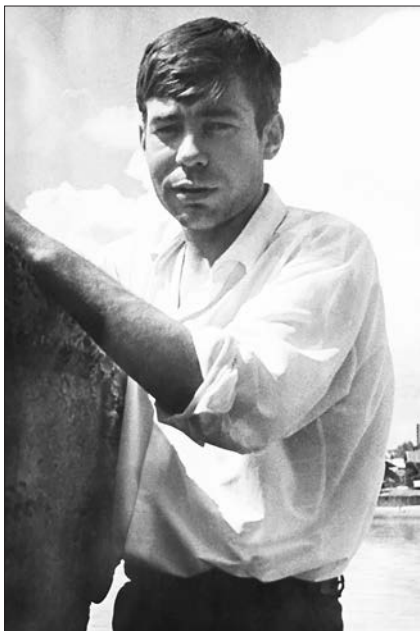
Он рассказал мне, что родился в Сибири, под Красноярском. Отец его был сосланный художник, человек талантливый, но пьющий. Мать — коренная сибирячка, пригрела его, ссыльного. Любила мужа без памяти. Он рано умер. В сыне она видела его как живого. Мать была членом компартии, председателем колхоза, Героем Социалистического Труда, а отчим — главным агрономом.

Толя с детства был их головной болью — умный, талантливый, но неуправляемый и балованный матерью до невозможности. Он напоминал мужа, что злило отчима, в общем-то, хорошего человека.

Толя без труда поступил во ВГИК на сценарный факультет, женился на своей сокурснице Олечке Наровчатовой, дочери известного поэта. Но признался, что сам был безнадежно влюблён в жену своего друга Юрия Ракши — Ирину.

После четвёртого курса был отчислен из ВГИКа. За что? Объяснил туманно. Тесть — Сергей Наровчатов, влиятельный поэт-фронтовик и руководитель семинара в Литинституте, — взял его в свой семинар. И Анатолий добросовестно целых три месяца посещал почти все лекции.

И вдруг исчез. Его нет неделю, две. Мы, девушки, жили в общежитии на четвёртом этаже, ребята — на остальных, здесь же была дешёвая гостиница для писателей из провинции, а с другой стороны — квартиры преподавателей. Я обычно

Анатолий Третьяков. Ранняя молодость. Всё ещё впереди

не ходила на другие этажи. Там шла какая-то своя, мужская жизнь. Но тут я томилась, томилась и решила отнести книгу своему другу Арво Метсу. Такой вот предлог. Поднимаюсь на этаж, иду по коридору, а навстречу мне двое ребят волокут Анатолия. Он свесил голову и висит у них на руках. Пьяный вдрызг... Я развернулась и ушла к себе. Шок.

Поняла я, за что его исключили из ВГИКа, отчего живёт в общежитии, хотя намекал мне, что, мол, с Олей всё кончено. Наверное, прогнала.

Я панически боялась алкоголиков. Мне казалось: что угодно, только не это. Я насмотрелась в жизни на семьи алкоголиков. Моя душа рвалась вверх, а падение никак не входило в мои планы. Всё очарование наших отношений рухнуло. Он долго не появлялся на лекциях. Однажды в буфете Лев Котюков рассказал Сергею Чухину:

— Олька пришла в общагу, забрала Тольку. Вывела его из ступора и закрыла. Сидел неделю взаперти, а потом мы нашли ход, ему пальто и ботинки принесли, показали в окно. Он за сигаретами вышел в одних домашних тапочках, а тут мы за углом!

Милый рассказ. Вскоре появился хромящий Анатолий в пальто с короткими рукавами.

— Что, Толик, чужие ботиночки жмут? — спросила я ехидно.

Он разулыбался. Типичный Иванушка-дурачок с вздёрнутым носом, невинными голубыми глазами и добрыми полными губами. Но что значит его доброта?

Анатолий снова укоренился в общежитии. Наверное, нас всё-таки тянуло друг к другу, несмотря на мою такую неприемлемую позицию. Весна. Сессия... Именно тогда я написала:

Хитрец, пришёл ко мне с сиренью,
Куст обломавши по пути,
И словно праздник примиренья —
Лукавое твоё «прости».
Чтоб быт студенческий свой скрасить,
Сирень я водружу в кувшин.
В ней цвет лиловый, воздух трассы,
Кромешности твоей души.
Так, что и разуму не сладить,
Любовь ворвётся, всё круша.
Пусть сессия и лихорадит,
Любовь всё путает, греша.

Из берегов, не разумея,
Разбуженная, как река...
А ты играть так смеешь с нею?
В ней грозные гудят века!

Так я сочиняла в ответ — хотя он никогда этого не читал! — на его букеты сирени, наломанные где-то. Никаких цветов он не покупал никогда, но, зная мою склонность к любовному политесу, стремился подыграть.

Осенью мы снова встретились на лекциях, зашумел октябрь, и... он попытался со мной объясниться. И я дрогнула.

— Хорошо. Давай встречаться... у памятника Пушкину... Месяц. Пусть это будут встречи, скажем, жениха и невесты. А потом я выйду за тебя замуж.

Анатолий недоумевал. Ему совсем не эти романтические прогулки были нужны. Мы ведь жили в одном общежитии на разных этажах. Зачем такие сложности? Вот странная женщина. Он всё это мне изложил. Однако я была тверда. Ну что ж... Согласился он, тяжело вздохнув. Поэтесса всё-таки.

И мы стали встречаться после занятий у памятника Пушкину.

После лекций я просила, чтобы он шёл первым, ждал меня. Тайные свидания. Дело в том, что вечерняя Москва для меня была территорией моего одиночества. Мы имели право по своему студенческому билету попадать в любые театры. И, конечно, я ходила в Большой театр, где наслаждалась танцами Мариса Лиепы, Владимира Тихонова, Елены Рябинкиной, Екатерины Максимовой. Кумирами моего балетного детства... Ходила в другие театры. У меня был абонемент в зал Чайковского. Это было прекрасное, но такое одинокое время. Моя театральная вечерняя Москва... Может быть, мне подсознательно хотелось разделить её с Анатолием. Свою любовь к искусству.

И мы стали встречаться после занятий у памятника Пушкину — тайно. Это были незабываемые, чудесные прогулки. Он иногда поил меня в кафе вином, но сам не пил! Он был остроумен, шутил без конца.

Мы открывали старинную чудесную Москву. Мы целовались. Я влюблялась. Но в общежитии мы, к его неудовольствию, расходились в разные стороны. Но всё-таки моя прихоть, моя игра, как он считал, моё испытание продолжилось... Аж три недели...

Но однажды в сырой ноябрьский день Анатолий исчез. Шёл снег... Зажглись фонари. Я ждала его час у памятника Пушкину... Ещё немного, ещё... Его не было. Моё сказочное

испытание он не прошёл. Может, заболел? Глаза были вроде бы красные, с надеждой думала я. Но не предупредил. Почему?

Я терялась в догадках. Поехала в общежитие, приняла душ, легла рано, но не могла уснуть. Мои надежды рухнули. Ещё две недели его не было на лекциях. И опять услышала от Лёвки Котюкова:

— Мы с Толькой на даче у Романа Солнцева вторую неделю бухаем. Я уж сбежал, — это он соседу по столу.

Ах, вот оно что! Солнцев позвал, и Анатолий забыл обо мне. Роман Солнцев был известный поэт, родом из Сибири. Земляк...

Назавтра появился опухший Анатолий, взглянул на меня мрачно. Даже не подумал объясниться.

Колымага жизни покатила дальше. Я поставила на Анатолии жирный крест. К весне он появился в моей комнате снова. Стал чего-то бормотать. И тогда я решила пошутить:

— Толик, я слышала, что Наровчатов — вот добрая душа! — отдал твою рукопись в «Молодую гвардию» и ты вскоре станешь богатым. Вот купи мне с гонорара шубу. Настоящую. Не искусственную, такая у меня есть. И я — твоя.

— Алёна, поехали в Сибирь. Моя мать — она орденоносец, она тебе такую шубу справит...

— О нет... Мне надо, чтобы ты сам купил. В качестве свадебного подарка.

А сама думаю: «А если вправду подарит? Тогда что делать будешь?.. Нет, не подарит. Дружки не дадут».

Собралась наша обычная компания — Ниночка Бодрова и Женя Шмидт, Коля Кучмида, Ирина и безнадежно влюблённый в меня Арво Метс — пить вечерний чай. Анатолий остался тоже. Его что-то познабливало. Я накинула ему на плечи своё пальто с меховым воротником. Вид у него был комичный.

— Ребята, — обратилась я к гостям, — я решила принять предложение Толика и выйти за него замуж.

— Это правда? — тревожный взгляд Арво, поджатые губы. С меня станется.

— Да? Ты так решила? — удивилась Ирина.

Когда-то она меня убеждала не делать этой глупости.

— Но у меня есть условие, — продолжала я, не обращая внимания на реплики. — Толик дарит мне в качестве свадебного подарка шубу из норки... Или соболя...

— Или из горностая, — цедит Арво.

— А что? Я этого недостойна?

— Достояна, достойна, — протянула Ирина. — Правильно.

— Я, конечно, не могу себе этого позволить, такого свадебного подарка, — говорит ядовито Арво.

Эстонец всё принимает за чистую монету. Арво Метс — единственный в институте ленинский стипендиат; кроме того, у него интеллигентные родители, которые ему подбрасывают деньги. Они гордятся сыном.

— А Толик может, у него идёт книга в «Молодой гвардии», — говорю я.

— Да, — подтверждает и Анатолий.

Бедный Наровчатов, такого зятя и врагу не пожелаешь, а он из всех сил старается поддержать дарование, так сказать, бескорыстно, во имя таланта, Анатолий своим талантом гордится, считает, что он его вывезет из всех колдобин и пропастей. И культивировать его не спешит. Кому много дано, с того много спросится — это не для него.

Чаепитие состоялось, и все разошлись. Анатолий пытался остаться на правах жениха, но я его отправила.

Утром на лекции Тамара, моя землячка из Молдавии, говорит:

— Слушай, вчера пришёл Анатолий и весь вечер нудил, что какая-то его подруга требует у него шубу из норки, а без этого не хочет выходить за него замуж. Вот идиотка! Откуда у него такие деньги? Ну и бабы пошли! Представляешь, я стираю свои там трусики, лифчики, прошу его уйти, а он ноет и ноет... Ушёл в двенадцать часов ночи! И кто же его так завёл?

Я расхохоталась:

— Это я.

— Ты? С чего вдруг ты у него шубу требуешь? Он всему общежитию должен.

— Испытание, — туманно ответила я.

Тамара покачала головой. Видимо, поняла меня только Ирина. Прошло ещё время, я не видела Анатолия, моя жизнь была занята работой, работой: стихи, переводы, лекции... Первые заработки, первые публикации. В «Комсомолке», в «Литературной газете», в «Знамени».

Однажды ко мне постучалась Ольга. Был вечер, я работала за столом. Я узнала её сразу, потому что видела в кино. Она снималась в эпизодах, светленькая, тоненькая, с миловидным личиком. Она была безумно смущена.

— Вы — Алла?

— Да.

— А я... жена Толика, Ольга.

— Прошу вас, — я встала и подвинула ей стул. — Я слушаю вас. Она не знала, с чего начать.

— Вы... хотите выйти замуж за Толика? — спросила она, мучительно покраснев.

Такая интеллигентная, впечатлительная.

— Нет, — спокойно ответила я.

— Почему? — удивилась она.

— Потому что я не могу с ним справиться. Нельзя выходить замуж за мужчину, на которого не имеешь стопроцентного влияния. Ничего не выйдет.

Она смотрела на меня во все глаза. Наверное, ей это просто не приходило в голову. Она-то не имела никакого влияния на своего мужа.

— Он попросил развод. Сказал, что любит другую женщину. Но она корыстная.

— Это нормально.

— Она хочет, чтобы он купил ей шубу из норки.

О, шуба... И тут всплыла... Мне стало смешно.

— Не переживайте, никакой шубы никому он не купит, если вас это волнует. Но почему вы пришли ко мне?

— Мне сказали...

— А-а... Оля, я вам не соперница и не собираюсь замуж за Анатолия. Вам тоже нужен другой человек.

— Есть человек, который...

Кто бы сомневался! Такая милая, домашняя... Но Ольга, как я поняла из её слов, понимала свою миссию быть спасительницей Анатолия от алкоголя. Она не могла его предать! Как ей сказать, что он об этом даже не догадывался?

Для него она была женщиной, на которой он женился после какой-то вечеринки, будучи влюблённым в другую женщину — замужнюю, его старше. И которая была не только красивой внешне, но и личностью. Оля мало для него значила. Она просто попала в дурную ситуацию. Изначально слишком она была хорошая. И пресная. Для него. Именно это мне в нём и не нравилось. Ведь во мне тоже была та же основа, я не была женщина-вамп. Не из богемы. Если я и отступала от какой-то нормы, то во имя любви, и только. Я считала, что любовь оправдывает всё, но это было ошибкой: выше всего — жизнь. Она всё расставляет по своим местам, преподаёт жёсткие уроки, она — момент истины. Но мы, девчонки, были помешаны на любви.

Остаток вечера проговорили об Анатолии, как сёстры. Не знаю, какие выводы она сделала из этого разговора, но что-то в ней изменилось.

А потом Анатолия перевели на заочное отделение. Из-за прогулов, несданных сессий и какого-то дебоша. В Литинституте многое терпели, но всё-таки... Да и Наровчатов выгнал его из своего семинара, его перевели к другому поэту.

Уезжать из Москвы он не хотел, поселился на чердаке. Вместе с Людмилой, которую тоже перевели на заочное отделение из-за какой-то сексуальной истории.

— Что, живёшь с Людкой? — спросила я его ехидно.

Это было позорно.

— Нет, мы не бабники, мы — алкоголики, — ответил он и расплылся в улыбке.

А потом я закончила Литинститут и уехала в Кишинёв.

Анатолий остался учиться ещё на год. Когда он выпивал, шёл в комнату, где я когда-то жила, а теперь жила первокурсница, стучал в дверь, звал меня: «Алёна, открой, Алёна!» Первокурсница пугалась.

Ниночка Бодрова, она была на курс моложе меня, вводила его, уговаривала: Алёна уже здесь не живёт, она уехала в Кишинёв. Но проходило время, он забывал её слова и снова приходил, стучал...

А потом закончил, наконец, Литинститут, уехал в Красноярск, где женился на известной поэтессе Аиде Фёдоровой. Конечно, вступил в Союз писателей СССР, издавал сборники.

Уборщице не нужен ордер,
Мне ночевать здесь, а не жить,
И голова моя, как орден,
На красном бархате лежит.

Талантливо? Да. Но эти ночёвки где попало... Но этот образ... Он мне немил. Я сразу вспоминаю его опухшую физиономию...

И чего-то не сбылось... Но я вспоминаю его молодым, бесшабашным, безоглядным, милым и трудным одновременно.

Больше я никогда ничего о нём не слышала. Книг его не видела. Не знаю, во что вылилась его судьба. Дай Бог, чтобы она состоялась.

Читая эти заметки спустя несколько лет, я подумала: мы, женщины, так многого хотим от любимых мужчин. Быть поэтом — мало! Надо быть гением... Не меньше!

...Недавно узнала, что Анатолий Третьяков живёт на родине, в Красноярске. Вышла его книжка в кассете, была замечена в «Литературной газете», но я прочитала эту заметку с горечью: кассета в тридцать лет... молодой поэт. Третьяков посерьёзней, издаётся, известен у себя, но... У меня такое чувство, что запевала влился в хор членов Союза писателей. Судьба его, может быть, покажется и благополучной — всем, но не мне. Масштаб его природного дарования иной.

В Интернете в 2014 году я прочитала: Третьяков Анатолий Иванович родился в 1939 году в Минусинске. Окончил Красноярское речное училище. Учился во ВГИКе и Литературном институте имени А. М. Горького. Автор одиннадцати сборников стихов. Печатался в журналах и коллективных сборниках Москвы и других городов России. Член Союза писателей России с 1979 года. Лауреат Пушкинской премии Красноярского края 1999 года. Автор слов официального гимна Красноярска (композитор О. Проститов). Действительный член Академии российской литературы с 2009 года.

2014

От редакции. Воспоминания Аллы Коркиной написаны за пять лет до смерти А. И. Третьякова. Он умер в мае 2019-го, в возрасте 80 лет. Наши попытки связаться с автором не увенчались успехом. Всё-таки теперь живём в разных государствах. Возможно, Алла Аркадьевна ещё и не знает о том, что Анатолия Ивановича уже нет с нами. В центральной прессе о его смерти не сообщали, по телевидению не говорили. Но мы думаем, что всем, кто знал поэта А. И. Третьякова и кто не знал, воспоминания эти будут интересны.